

Как и в прошлый раз, бабушка Сюй приоткрыла дверь лишь на самую малость, не снимая новой цепочки. Она выглянула наружу сквозь обвисшие веки, словно ей стоило огромных усилий просто держать глаза открытыми. Ее морщинистые и потрескавшиеся губы несколько раз дернулись.

Хотя Сяо Юань не был одет в полицейскую форму, от него веяло респектабельностью и надежностью. Когда он предъявил свое удостоверение, его аура была куда более достойной и надежной, чем у Фан Юаньхана.

Но бабушка Сюй все равно не захотела отпирать цепочку на своей двери. Сухим, хриплым голосом она прошептала:

— Убирайтесь все отсюда. Мне нечего вам сказать.

— Мэм, вы живете здесь уже несколько десятилетий. Вы ведь помните девушку, которая когда-то жила в квартире 4-1? — вежливо начал Сяо Юань. — Двадцать лет, переехала в город из родной деревни. Простая, веселая девушка.

Выражение лица бабушки Сюй стало пустым, словно она копалась в своих воспоминаниях.

— Возможно, у вас не очень глубокое впечатление о ней, — продолжил Сяо Юань. — Потому что она умерла десять лет назад, вскоре после переезда сюда. Вы знаете, как она умерла?

Бабушка Сюй покачала головой.

— Она была убита при попытке ограбления, — сказал Сяо Юань. — Человек, который позже жил в 4-1, был ее отцом, несчастным человеком, который, как и вы, испытал боль потери ребенка и провел остаток своей жизни скучая по нему.

Бабушка Сюй открыла рот. Морщины на ее лице начали слабо подрагивать.

Сяо Юань оставался совершенно спокойным и почтительным:

— Я пришел к вам сегодня, потому что знаю, что у вас есть улики, которые очень важны для нас. Не могли бы вы помочь нам, а также этому отцу, который так горько переживал потерю своего ребенка?

После долгого молчания бабушка Сюй наконец ослабила хватку на дверной ручке.

Она отстегнула цепочку безопасности и повернулась, выглядя очень одиноко:

— Тогда заходите.

Фан Юаньхан последовал за Сяо Юанем в старую и ветхую двухкомнатную квартиру. На стене напротив входной двери висела черно-белая памятная фотография. От этого зрелища Фан Юаньхан на секунду замер. Оглядевшись по сторонам и осмотрев стены гостиной, он обнаружил еще по меньшей мере десять фотографий — все памятные снимки одного и того же человека, с одним и тем же лицом.

Это был покойный сын бабушки Сюй, Чжан Ике.

Это была поразительно жуткая картина: у Фан Юаньхана сразу же пошли мурашки по коже, но реакция Сяо Юаня была очень естественной.

Бабушка Сюй уселась в ротанговое кресло и уставилась на одну из мемориальных фотографий:

— Здесь очень страшно?

— Нет ничего страшного в том, что родитель тоскует по своему ребенку, — сказал Сяо Юань.

Бабушка Сюй сухо рассмеялась:

— Все, кто приходит ко мне домой, думают, что это страшно, и говорят, что у меня дома есть сын-призрак. Хотя некоторые люди не говорят об этом прямо, я это знаю.

Выдержав паузу в несколько секунд, бабушка Сюй продолжила:

— Ты единственный, кто дал мне другой ответ. Просто спрашивай то, что хочешь спросить.

Сяо Юань серьезно спросил:

— Примерно на китайский Новый год вы увидели, как человек уносил "что-то" из квартиры 4-1, верно?

Бабушка Сюй долго молчала, прежде чем ответить:

— Я также видела, как кто-то входил в 4-1 несколько раз перед китайским Новым годом. Старик Хуан был очень добр к этому человеку. Он даже одолжил ему ключ от своей квартиры.

Фан Юаньхан не удержался и тут же протянул фотографию Хао Лу, вернее, Цинь Госина, живущего под именем Хао Лу:

— Госпожа, это был этот человек?

Бабушка Сюй взглянула на фотографию, затем оттолкнула планшет Фан Юаньхана. Она встала и направилась в спальню:

— Я найду его для вас. Можете сами посмотреть.

Более чем через десять минут бабушка Сюй, ковыляя, вышла обратно. В руках она держала прямоугольную картонную коробку.

— Здесь все. Больше я ничего не знаю.

Сяо Юань взял коробку и заглянул внутрь. В коробке лежали маленькая камера и очень старый ноутбук.

Камеры наблюдения на улице Шаньсянь существовали, но записи, сделанные несколько месяцев назад, уже были стерты. В самом Девятом переулке не было ни одной общественной камеры наблюдения, что уж говорить о старых многоквартирных домах.

Как и догадывался Сяо Юань, Чжан Ике действительно установил камеру наблюдения для бабушки Сюй.

— Чжан Ике работал с такими штуками, и ему постоянно приходилось работать сверхурочно. У него даже не было времени привести домой невестку, — сказала бабушка Сюй. Ее голос вдруг стал мягким и нежным. От прежнего грубого хрипа не осталось и следа. — Охрана здесь не очень хорошая. Ике всегда говорил, что как только мы накопим достаточно денег, то купим хороший дом и переедем вместе.

Бабушка Сюй склонила голову:

— Но как бы мы ни экономили, денег никогда не хватало. В конце концов Ике установил эту камеру. Он сказал, что я смогу видеть снаружи, оставаясь внутри. Он сказал, чтобы я сразу же позвонила ему, если увижу что-то необычное. — Внезапно ее голос задрожал. — Но когда я увидела что-то необычное, Ике уже ушел. Я не могла ему позвонить.

Сяо Юань не перебивал ее, спокойно выслушав весь рассказ.

Бабушка Сюй подняла голову и тяжело вздохнула:

— Этот человек заметил камеру. Я испугалась, поэтому сняла ее. После праздников я попросила кого-нибудь установить новый замок на мою дверь.

— Заметил вашу камеру? — спросил Фан Юаньхан. — Невозможно. Если бы он действительно ее заметил, он бы не...

— Спасибо, госпожа, — перебил Сяо Юань. Обращаясь к бабушке Сюй, он добавил: — Я не буду забирать камеру и верну ноутбук как можно скорее.

Бабушка Сюй махнула рукой, чтобы они ушли. Ей больше нечего было сказать.

Чжоу Юань загрузил все видеозаписи со старого ноутбука. На различных мониторах начали воспроизводиться записи с камер наблюдения за разные периоды времени.

Качество видео было не очень хорошим, к тому же камера была установлена в малозаметном месте, поэтому угол обзора был не очень удачным.

Однако все равно можно было разобрать двух людей, появившихся перед квартирой 4-1.

Одним из них был Цинь Госин, маскировавшийся под Хао Лу. Другой — Ву Чжэнь.

С декабря прошлого года по китайский Новый год этого года Цинь Госин пять раз приходил в квартиру 4-1, казалось, в качестве гостя.

Двадцать шестого числа двенадцатого лунного месяца, когда Хуан Муцюаня не было дома, Цинь Госин вместе с Ву Чжэнем пришли к квартире 4-1. Цинь Госин достал ключ и отпер дверь, пропустив их внутрь. Через десять минут они снова появились и вышли, после чего Цинь Госин снова запер дверь.

Пятого числа нового лунного года Цинь Госин появился у двери в 8:41 вечера и постучал. В руках у него была тарелка со свежими фруктами, уже нарезанными. Хуан Муцюань открыл дверь и пригласил его войти.

В 10:25 того же вечера Цинь Госин вышел из квартиры 4-1 один, в перчатках и бахилах на ботинках. В руках у него была большая сумка. Закрыв и заперев входную дверь, он протер тряпкой ручку и замок.

Наконец, он на мгновение вышел из кадра камеры в направлении, противоположном лестнице. Через полминуты он снова появился в поле зрения камеры, а затем поспешно спустился вниз.

В 10:53 того же вечера пришел Ву Чжэнь в униформе уборщика. После появления он исчез из поля зрения камеры, уйдя в том же направлении, что и Цинь Госин. Он вновь появился перед дверью в квартиру 4-1 с ключом, который он откуда-то взял, и снова пропал из кадра.

В 11:16 дверь квартиры 4-1 снова открылась. Вышел Ву Чжэнь, таща за собой, судя по всему,

большой мусорный мешок. Судя по форме и размеру мешка, в нем, скорее всего, находился человек. Закрыв дверь, Ву Чжэнь направился к лестнице.

Проходя мимо камеры, Ву Чжэнь вдруг поднял голову. Он посмотрел в объектив, словно что-то обнаружил.

— Ах! — воскликнул Чжоу Юань.

Неудивительно, что бабушка Сюй решила, что камера была обнаружена. Ву Чжэнь практически смотрел в глаза тому, кто смотрел эти кадры.

Сяо Юань обнял себя руками, стоя перед монитором и наблюдая за происходящим:

— Ву Чжэнь только посмотрел в сторону камеры. Судя по его действиям после этой ночи, он действительно не заметил ее.

Фан Юаньхан кивнул:

— Если бы он действительно заметил ее, то не оставил бы в покое бабушку Сюй.

— Но на этих кадрах видно только, как Ву Чжэнь уходит с телом Хуан Муцюаня, — сказал Чжоу Юань. — Что он сделал с телом после этого?

— В четырех километрах от улицы Шаньсянь есть похоронное бюро, — сказал Фан Юаньхан. — Может, Ву Чжэнь отправился туда, чтобы кремировать тело?

Сяо Мань фыркнул:

— Твоя идея слишком нереалистична. Думаешь, можно зайти в похоронное бюро и сжечь тело, когда захочешь? Какое похоронное бюро сожжет тело просто потому, что вы попросите, без свидетельства о смерти?

— Можно провести кремацию без свидетельства о смерти, — сказал Сяо Юань. — Если только у вас есть знакомый в похоронном бюро.

Фан Юаньхан пристально посмотрел на Сяо Маня.

Сяо Мань оскалился в ответ.

— Но Ву Чжэнь был не из тех, у кого есть подобные связи, — продолжил Сяо Юань. — На нем была униформа уборщика. Вполне вероятно, что он купил и тележку для мусора. Где же может

быть наименее заметное место, куда может пойти работник санитарной службы?

— Местная санитарная служба... нет, мусорная свалка! — воскликнул Фан Юаньхан. Он хлопнул правым кулаком по ладони левой руки, а затем глубокомысленно нахмурил брови. — Но это тоже неправильно. Если бы Ву Чжэнь выбросил тело на свалку, невозможно, чтобы никто не заметил.

Чжоу Юань вывел карту на один из своих мониторов:

— Ближайший мусорный полигон находится в двух километрах к северо-востоку от Девятого переулка. Далековато, чтобы пройти незамеченным, но, поскольку был разгар китайского Нового года, а на Ву Чжэне была униформа уборщика, не исключено, что он дошел, не привлекая к себе внимания.

— Ву Чжэнь не был убийцей и не знал, что погибший — незнакомый ему Хуан Муцюань. Он думал, что избавляется от тела профессора Цинь Госина, — сказал Сяо Юань. — Из уважения к человеку, которого он считал профессором Цинь, Ву Чжэнь не стал бы выбрасывать тело просто так. Если бы он закопал его в землю, его было бы сложнее найти.

Совместная могила Цинь Сяо и Чу Цин находились на горе. Цинь Госин поднялся наверх, тяжело дыша. Два мешочка с бумажными деньгами, благовониями и фруктами, которые он нес, были настолько тяжелыми, что к тому времени, как он добрался до могил родителей, у него онемели руки.

Он сел и немного отдохнул, а затем начал возлагать подношения. Не найдя шеста, чтобы привязать к нему принесенные петарды, он разложил их на земле и зажег. Петарды мгновенно взорвались, раскатившись по воздуху и быстро распространив тяжелое облако дыма.

Поблизости больше никого не было. Цинь Госин встал на колени перед могилами и трижды поклонился своим родителям. На его лице появилась холодная мрачная улыбка:

— Папа, мама. Я вернулся. В прошлом у меня не было возможности сжечь для вас бумажные деньги, так что теперь я все исправлю.

Он зажег благовония и бумажные деньги. Ветер унес пепел в небо. Он принес много петард, но все они исчезли за несколько минут. Цинь Госину показалось, что вокруг стало слишком тихо, и он включил траурную музыку, которую скачал на телефон.

Как только благовония и бумажные деньги догорят, и эта запоздалая поминальная служба закончится, он покончит с собой.

В своей предыдущей жизни он жил и умер как Цинь Госин. Он много работал, но так и не смог прославиться.

В этой жизни он стал Хао Лу. Под этим именем он проводил эксперименты с чужими жизнями. Он затеял игру в домино, но лишь одна фигура упала, прежде чем его планы были разрушены.

В обеих жизнях он был неудачником, неспособным сравниться ни с этими талантливыми профессорами фармацевтики, ни с молодым Ло И.

Он устал.

Он просто очень устал.

Подумав, он понял, что не так уж сильно отличается от Ву Чжэня и Ша Чунь. Усердный, но посредственный.

Если бы он знал, что все так обернется, то не стал бы убивать Хуан Муцюаня. Если бы он сделал себя первой "костяшкой домино", возможно, его искренность завела бы его эксперимент дальше. Возможно, упало бы больше костяшек домино.

Палочки благовоний горели еще некоторое время, а вот бумажные деньги сгорали быстро. Как только пепел рассеялся, Цинь Госин встал и выключил траурную музыку.

Наступила тишина, и вдруг он услышал голос, раздавшийся недалеко позади него:

— Хао Лу. — глаза Минг Шу были ледяными, когда он смотрел на убийцу, который сейчас играл роль сына на могиле своих родителей. — Или мне следует называть вас преподавателем Цинь?

На лице Цинь Госина не было особого удивления.

Когда Отдел тяжких преступлений только начал расследовать дело Ша Чунь, Цинь Госин уже предвидел, что эти элитные детективы, особенно их капитан Минг, однажды узнают правду обо всем.

Но он никак не ожидал, что Минг Шу появится перед ним в этот момент.

Он не хотел, чтобы его поймали.

Не то чтобы он боялся быть осужденным, но он не хотел, чтобы его судили эти "элиты".

Перед их лицом вся его самооценка рухнет.

Он завидовал им. Он ненавидел их.

К счастью, он уже приготовил для себя бутылку высокотоксичного цианистого натрия. Выпив его, он быстро покончит с жизнью.

— Позвольте мне сказать родителям еще несколько слов, — Цинь Госин улыбнулся и сунул правую руку в карман пальто.

Это, казалось бы, обычное действие не ускользнуло от внимания Минг Шу.

Как только Цинь Госин закончил говорить, он повернулся обратно к могилам и тут же достал из кармана бутылочку с цианистым натрием.

Он быстро отвинтил крышку. Как только он приготовился влить смертельный яд в рот, Минг Шу резко выхватил пистолет.

В лесу раздался выстрел.

Пуля пробила запястье Цинь Госина, проделав кровавую рану. Пластиковая бутылка вылетела из его руки и упала в траву.

Цинь Госин закричал и упал. Чжао Фань бросился вперед и сразу же схватил его.

— Сколько людей ты убил?! — прорычал Минг Шу. — Думаешь, теперь у тебя есть право на самоубийство?!

Промучившись полжизни, Цинь Госин уже потерял желание жить. Когда его задержали и сопроводили обратно в город Донгье, он не взглянул ни на Минг Шу, ни на Чжао Фана. Какие бы вопросы ни задавал Минг Шу, у него был только один ответ: я тот убийца, которого вы ищете.

Бабушка Сюй из квартиры 4-5-го уже предоставила доказательства по этому делу, но цепочка улик была еще неполной — тело Хуан Муцюаня еще не было найдено. А детали дела Ву Чжэня, Ша Чунь и обстоятельства смерти "Цинь Госина" девять лет назад, все еще оставались туманными. Отдел тяжких преступлений уже выяснил правду, но признание Цинь Госина все еще было важно для закрытия этих дел.

Если Цинь Госин не захочет ничего говорить, закрыть их будет очень хлопотно.

— Кажется, он боится нас, — сказал Чжао Фань. — Особенно тебя.

— Это нормальная реакция, — сказал Минг Шу.

— Но он, похоже, боится не потому, что ты полицейский, — продолжил Чжао Фань. — И, похоже, не потому, что ты выстрелили ему в запястье.

Минг Шу недоверчиво поднял брови:

— Тогда почему он меня боится?

Чжао Фань надолго задумался, а потом сказал:

— Хм... Не знаю, как это описать.

Пресловутый "болтун" Чжао Фань крайне редко не знал, как описать что-то. Минг Шу не удержался и снова посмотрел на Цинь Госина.

Во внешности этого человека не было ничего броского или выдающегося; внешне он был обычным человеком во всех отношениях. Но под этой "обычной" кожей скрывалось сердце, способное спланировать смертельную игру с самоубийством.

Цинь Госин уже был доведен до крайности. Чего он мог бояться?

Перед ним стояли полицейские, но он боялся их не потому, что они были полицейскими. Тогда почему он вообще должен их бояться?

Даже добравшись до города Донгье, Чжао Фань не мог описать свои ощущения. Но Сяо Юань сразу же определил это чувство и выразил его словами.

— Цинь Госин боится не полиции, а "элиты" в любой отрасли, — сказал Сяо Юань. — До сорока лет он оставался обычным университетским преподавателем. Ему не удалось добиться больших успехов в своих исследованиях, он не смог добиться никаких выдающихся результатов. Он считает себя человеком, которого всю жизнь топтала "элита". У него есть докторская степень, но, приняв личность Хао Лу, он продолжал заниматься низкооплачиваемой неквалифицированной работой. Как вы думаете, почему?

— Хотя единственный человек, который знал его истинную личность, был уже мертв, он все равно боялся, что его секрет раскроется, — сказал Минг Шу. — Поэтому он держался в тени. Ему даже не хватило смелости сесть на поезд. Как он мог отважиться снова попытаться сделать карьеру?

— Это одна из причин, — согласился Сяо Юань. — Но есть и другая причина. Проще говоря, он боялся вступать в контакт с теми, кого считал "элитой". Их существование напомнило бы ему о прошлых неудачах на факультете фармакологии, и он пожалел бы о том, что не умер.

Минг Шу почесал затылок:

— Трудно понять такой образ мышления.

Запястье Цинь Госина уже было обработано. Он посмотрел на Минг Шу без огонька в глазах, а затем попросил, чтобы его допросили другие полицейские.

— Я во всем признаюсь, но не хочу видеть вас, — сказал он. — Особенно тебя.

— Ты не в том положении, чтобы сейчас выдвигать требования! — огрызнулся Фан Юаньхан.

Минг Шу вспомнил, как Сяо Юань проанализировал душевное состояние Цинь Госина, и спросил:

— Кого вы хотите увидеть вместо меня?

Фан Юаньхан удивился:

— Шеф?

Минг Шу поднял руку, чтобы прервать его. Обращаясь к Цинь Госину, он продолжил:

— Если это разумная просьба, я могу найти замену.

В какой-то момент Цинь Госин уже начал дрожать. Его туго забинтованная рука то и дело соскальзывала со стола:

— Офицер Ло все еще здесь работает?

Фан Юаньхан не мог припомнить никого в Отделе тяжких преступлений с фамилией Ло:

— Какой офицер Ло?

Но И Фэй мгновенно понял, чего хочет Цинь Госин:

— Вы хотите увидеть Ло Мина?

Цинь Госин кивнул:

— Да, именно его. Ло Мин. Скажи Ло Мину, чтобы он пришел! Если сидящий напротив меня человек будет Ло Мин, я все ему расскажу!

Фан Юаньхан отправился забирать Ло Мина с полицейского поста, на котором он работал после понижения в звании.

В коридоре И Фэй с беспокойством размышлял:

— Дело Хао Лу девятилетней давности... Ло Мин и все члены его команды в то время несут ответственность за то, как плохо с ним разобрались. Боюсь, Ло Мин не добьется многого, если будет допрашивать Цинь Госина.

— Цинь Госин просто хочет найти кого-то, с кем он сможет легко встретиться лицом к лицу. Сейчас он находится в таком состоянии, что не хочет больше сражаться, — сказал Минг Шу. — Цинь Госин обставил смерть Хао Лу довольно небрежно, но полиция, расследовавшая дело, ничего не заметила. В глазах Цинь Госина Ло Мин и остальные уступают ему. Он почувствует свое превосходство только тогда, когда столкнется с ними.

И Фэй вздохнул:

— Он уже в таком положении, а все еще ищет чувство превосходства.

— Разве не стремление к превосходству побудило его совершить все эти поступки? — спросил Минг Шу. — Он слишком отчаянно хотел почувствовать свое превосходство. Он хотел добиться чего-то такого, что позволило бы ему превзойти окружающую его "элиту". К сожалению, свои амбиции он воплотил в жизнь самым худшим образом.

Ло Мин прибыл в полицейской форме. Он выглядел невероятно взволнованным.

Когда-то он мечтал попасть на работу в Отдел тяжких преступлений Бюро уголовных расследований. Много лет назад, когда он с помощью пыток добивался признаний от подозреваемых, у него было две причины. Во-первых, на него оказывало давление вышестоящее начальство, требуя закрывать больше дел. Во-вторых, в то время в Бюро набирали сотрудников из городских участков. Если бы он хорошо работал в участке района Донг и хорошо вел себя перед начальством, его могли бы принять на работу в Бюро. Если бы он особенно отличился, его могли бы даже принять в Отдел тяжких преступлений.

Но все это было разрушено. Он больше не был детективом в участке района Донг. Его понизили до полицейского поста, где он занимался лишь пустяковыми делами в качестве

гражданского сотрудника.

— Капитан Ло, — поприветствовал его Минг Шу. Хотя он поднялся и взял на себя инициативу поприветствовать мужчину, его тон был холодным и безразличным.

В глазах Ло Мина такое поведение было высокомерием.

— Капитан Минг... — Ло Мин неловко рассмеялся. Он не знал, что сказать, и инстинктивно начал защищаться. — Не только я был ответственным за то дело на факультете фармакологии.

— Сейчас не время говорить об этом, — прервал его Минг Шу. — Вы возглавляли оперативную группу по этому делу, и Цинь Госин попросил встретиться именно с вами. Подойдите и проведите с ним допрос.

Выражение лица Лу Мина исказилось. Он заикнулся:

— Если я внесу свой вклад в это дело, может ли дело девятилетней давности быть...

— Капитан Ло, — снова перебил его Минг Шу. — Я всего лишь капитан Отдела тяжких преступлений. Я не могу решать, как поступить с делом, за которое вы несете ответственность.

Дверь в комнату для допросов открылась. Цинь Госин поднял голову. Как только он взглянул на Ло Мина, его безжизненный взгляд внезапно наполнился светом. Он воскликнул с почти приятным удивлением:

— Офицер Ло!

Фан Юаньхан уставился на монитор наблюдения в соседней комнате и сказал:

— Отношение Цинь Госина изменилось слишком быстро, не так ли? Почему у меня такое чувство, будто «человек встречает соотечественника, и его глаза наполняются слезами»?

— Да, для Цинь Госина Ло Мин — его соотечественник, — сказал Минг Шу. — Хоть и немного в другом смысле.

Ло Мин и Цинь Госин сидели в комнате для допросов. Кроме них двоих, в комнате находился офицер, который вел запись допроса. В комнате также находился Линь Цзяо, которого Мин Шу попросил приехать из Центра психологических исследований Бюро.

По сравнению с Цинь Госином, вид Ло Мина больше был похож на подозреваемого.

Цинь Госин красноречиво разговаривал с ним, особенно когда он рассказывал о деле девять лет назад, это было почти как хвастовство.

— На самом деле я не так уж и беспокоился о том, что вы догадаетесь о поддельной ДНК, которую я подбросил в свой дом, — заявил Цинь Госин. — Я имел базовое представление о том, что такое технология ДНК в те времена, и знал, что моей ДНК еще нет в вашей базе данных. Никого из моих ближайших родственников не было в живых, поэтому образцы ДНК, которые вы нашли у меня дома, — волосы, жидкость — были как "уникальные образцы". Вам не с чем было их сравнить, кроме как с телом. Больше всего я беспокоился о том, что вы проверите местонахождение денег, которые лежали на моих счетах.

Цинь Госин на самом деле смеялся, пока говорил, и выглядел очень счастливым, в то время как Ло Мин напротив него побледнел.

— Но вы, ребята, не обратили на это никакого внимания. Я опустошил свои счета перед смертью, но никто из вас даже не поинтересовался, кто взял эти деньги.

Ло Мин скрипнул зубами:

— Ты..!

— Я обманул вас! — Цинь Госин уставился на Ло Мина. — За всю свою жизнь я ни разу не добился успеха. На меня всегда наступала "элита". Так что спасибо тебе, что позволил мне испытать, каково это — наступать на кого-то другого!

<http://bllate.org/book/14859/1321946>